СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ВЕСНА В ПАРИЖЕ

НОВОСЕЛЬЕ

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ВЕСНА В ПАРИЖЕ

ШЕСТАЯ КНИГА СТИХОВ

НОВОСЕЛЬЕ
ПАРИЖ
1966

Моему брату, Борису Прегелю,
с любовью посвящаю эту книгу.

ВЕСНА В ПАРИЖЕ

Какое солнце небогатое,
Какой уход от всех скорбей:
Три чахлых кустика и статуя
Под грузом жадных голубей.

Их кормит в сквере всеми брошенный,
Судьбой отвергнутый старик,
И света катятся горошины,
И смутный день к земле приник.

И над разбросанными зернами,
Необъяснима, но ясна,
Встает парижская весна
И машет облаками черными.

Еще я своей владею судьбой,
Но последняя песня спета —
Меня застрелил трехлетний ковбой
Из трескучего пистолета.

Вот и руки озябли
И больше нет сил,
Все, все в жестоком тумане —
Деревянной саблей меня зарубил
Гусар в цветном доломане.

Меня убивали, а я живу.
И одна чрез льды и сполохи
Ухожу в весеннюю синеву,
Попираю грязный асфальт и траву,
Раздаю прощальные крохи.

Тихий свет — в глубинах колодца
Обрывается звездная нить,
А потом и сон оборвется...
Время ждать и время бороться,
Время павших в пути хоронить.

Но давно утрачена вера
И по-азбучному проста
За чугунным плоским барьером
Ослепившая пустота, —

В треске магния, в дымных блестках,
В керосина синем чаду,
Как на самых плохих подмостках,
Как в чистилище, как в аду!

Из камня родник не брызнет,
В огне не сгоришь дотла —
Поверь мне, я много жизней
Без удержа прожила.

А теперь в бесформенной вате
Надоевшего мне мирка
Я балов отшумевших платье
Достаю со дна сундука.

Платье, платье старинное,
В нем рукава узки,
Мысом талия длинная,
И летят во тьму нафталинные
Бледные лепестки.

Валил упрямо крупный дым янтарный
И вдруг пустую крышу обволок,
И день катился — пестрый, календарный,
Рукою детской сорванный листок.

Теперь под ветром одичали склоны,
Пустынные аллеи сожжены,
И одинокий парус накрененный
Не смеет оторваться от волны.

Конец, конец — на море и на суше
Идем навстречу стуже ледяной.
Идем, идем... «Спасите наши души!»
Отравлен пес. Очаг золой придушен.
Ворота заколочены давно.

Прямо в март нас, качая, несло
По аллее, где ветки иззябли,
А в бассейне метался кораблик,
И к воде припадало крыло.

Шелестели бумажки в бреду,
Словно листья, раздельно и сухо...
Над безумной, мохнатой старухой
Пел закат в Люксембургском саду.

1

С придыханьем певучий говор
В этой жизни не прозвучит.
Не узнать, не найти другого —
Замолчи, печаль, замолчи.

Не дразни мечтами лукавыми
Тех, чья молодость изжита
(Одуванчики между травами
И червяк в ладони листа),

И в последнем жалком усилии
Я о прошлом тебе солгу:
Нет, не кончено, не забыли мы,
Как в сияющем парке лилии
Распускаются на кругу!..

2

Замолчи, молю, замолчи же,
Безразличием успокой,
Но бездомный прыгает чижик
Под моей неверной рукой.

И опять долины, долины
И у моря, въ брызгах, скала,
В темном зеркале пианино
Бесконечные зеркала.

Город в сумерки, звон трамвая,
Крик газетчика, рёв сирен,
Фонари, дрожа, оплывают...

О, печаль моя заревая,
Ты живая и неживая,
И цветение ты и тлен.

Улицы праздной пенное мыло
И дождевая в лужах вода, —
Этого не было, это забыла.
Не повторится здесь никогда —

В полдень на Невском жаркое лето,
Желтых небес тяжелая ткань,
Тени домов и дома-скелеты
И доцветающая герань.

Как приказать, чтоб не стало разлуки,
Чем я сейчас тебя помяну
Город видений и царственной скуки!..

Тянутся, тянутся слабые руки
К воображаемому окну.

Все дальше, глубже и дальше,
Где радужные сады,
На дачу злой генеральши
Меня уводят следы.

Спускаюсь медленно с вышки,
Бумажный веер в руке,
Ко мне подходит мальчишка:
Очки и дырка в чулке.

«Ты прекраснее всех на свете,
На суше и под водой,
Я тебя увезу в карете,
Моем атласном ландо.

Подарю крутые качели,
Чтоб кружилася голова,
Из шиповника ожерелье,
Из акации кружева.

Ты будешь незванной феей,
Дождинкою в высоте,
Невестой, других скромнее,
В своей туманной фате...»

И стало, как старой книге,
Где сказано про судьбу —
Распались года и миги,
Как нитка дешевых бус.

Но день свиданья блаженный
Я до конца сберегу,
И в скалах звездная пена
Задержится на бегу.

Стрелою пена всходит на корму,
Летит корабль и нет ему возврата
В страну осиротелого заката,
Мой светлый дом, растаявший в дыму.

О, бывших гроз счастливая пора
И ты, полуразрушенная арка...
О, странный год, когда деревья в парке
Стонали под ударом топора!

Уже воспоминания не лгут,
В них все теперь несокрушимо просто —
Был вой собак и лошадиный остов
На кровью опоганенном снегу.

И как понять завороженный взгляд,
Где нет ни ожиданья, ни печали.
Донесся выстрел, стекла задрожали
И сердце, сердце бьется невпопад.

И мнится: в море гордая скала,
И снова ночь, и эта дева в белом.
Все то, что вьюга давняя отпела,
Что я забыть не смела, не смогла.

Ржавый якорь
В песке у самого моря,
Того, что Черным зовется,
Хотя голубое оно.
Есть, однако,
В выси такие же взгорья,
И мачта стонет и гнется
И с шумом уходит на дно.

Здесь играло
В прятки солнце рыбачье —
По скалам и побережью,
В жестких травах густых.
Жизни мало,
Надо с смертью судачить,
И луч воспаленный брезжит
В озерках золотых.

Разбросал
Камни прибой сердитый,
Быстрей заоблачной птицы
Набегающая волна,
Паруса
В дальнем краю забыты...
И только в полночь мне снится
Черноморская глубина.

Куда бежать от неблагополучий,
От мировой житейской чепухи,
От всех в углу затисканных созвучий,
От слов твоих беспомощно глухих?

Куда бежать? Как вырваться из плена
Бездарности? Уже горят мосты,
Земля гудит... Но тленом будь, что тленно!
Пусть все погибнет в пламени мгновенном
Во имя неизбежной простоты!

В тридевятом царстве, далеко,
Светло-русая седина
И мальчишеский острый локоть,
Пробивавший пряжу сукна.

Там навстречу солнцу не щурятся
Облака, вступая в игру.
Огонек вздыхает и курится
На сквозном осеннем ветру.

Трубы воют в утро суровое,
И растет орудий гроза,
И ползут моторы свинцовые
В тот болотный край, где безбровые,
Постаревшие сразу глаза.

РЕКВИЕМ

Улицами пологими
Средь городских равнин
За ледяными дрогами
Шел человек. Один.

О нет, то не было тайной,
Не привиделось это нам —
Его прибило случайно
К незнакомым похоронам.

Мгла под ногами хлюпала,
Двигались пустыри,
Под желто-серым куполом
Вспыхнули фонари...

Скудной жизни изнанка —
Не спрятать, не превозмочь,
И бросала шарманка
Безбожный реквием в ночь.

Реквием — сердце плачет,
Превращая угли в золу,
Радости — в неудачи.
Реквием — вальс собачий
У шарманщика на углу.

Под утро свет, как в могиле,
Как на песчаном дне,
И тень головой кобыльей
Двигает на стене,

И рядом этот прокуренный,
Поэтический хлам,
И все давно охалтурено,
Роздано по частям:

Облаков золотые лопасти
Среди неба крутых валов
И деревья в весенней робости...
Как лунатик хожу над пропастью
Никому не снившихся снов.

А монеты чаще и чаще
В чашу падают (треск и звон),
И поет о всем преходящем
Беспокойный аккордеон.

Пахнет гнилью базарной, рыбою,
Острой плесенью дождевой —
Сколько в мутном асфальте выбоин,
Темных ранок в теле его.

Старый нищий, дети на роликах,
Пес изъедено-шерстяной,
На плюгавых мраморных столиках
Опрокинутое вино.

Я одна в огромной пустыне,
Где расселины и пески,
Я в стальной, тугой паутине,
В безысходности, в сердцевине
Одиночества и тоски.

Огни пробились сквозь сито
Замучившихся звонков —
Стоял ребенок забытый
У грязных грузовиков.

Он плакал у их подножия,
Как у адовых тяжких врат,
Покуда его прохожие
Не свели в комиссариат.

Там писцы сидели, два филина,
Тихий дождь плевался в стекло —
В этой комнате зачерниленной
Никогда не будет светло.

Там ругали всех черномазыми
И следили, чтоб не утек —
Не напрасно слезы размазаны
По сухому бархату щек.

Золотые нежные пятна,
Однодневные лепестки
Из немой страны беззакатной,
Где не ходят грузовики.

И когда скатилось куда-то
И исчезло все — ни души,
Он сказал без слов, виновато:
«Я живу, где много солдат и
Много пьяниц лохматых
И много-много машин».

ДЕД-МОРОЗ

Приносит ветер зимние вести,
И подмерзают дорожки слез,
И в ночь спешит из гулких предместий
На время нанятый Дед-Мороз.

И холода и вьюгу пророчит,
И улицу всю вгоняет в сон —
Несвежей ватою оторочен
Его слежавшийся балахон.

И вновь летят и тают снежинки
Из неизменной чужой выси,
И борода его на резинке
В неясных инея паутинках
Сосулькой розовою висит.

Он дарил мне кота безусого,
И яблоко — желтый ранет,
И изжеванный и обкусанный
Железнодорожный билет.

Пробитый всеми контролями
Билет в страну чудаков,
Где заяц катит на роликах,
И читает про умных кроликов
Водитель грузовиков.

Он дарил мне погоду летнюю
И ступеньки в дворовой мгле
И свое четырехлетнее
Пребывание на земле!

От многих обманов и розни,
Заполнивших смутные дни,
Весною и осенью поздней
Навеки уходят они.

Им и при свечах не очнуться
На белом прохладном лугу —
Застывшие пальцы не гнутся
И сгусток кровавый у губ.

Туда, где ни слез, ни болезни...
О, слезы на первых порах!
О, слезы, всего бесполезней,
О прахе, вернувшемся в прах!

«Бог дал, Бог и взял»... Паутина
И замысловатый уют
Немодных решеток. Картинный
Могильщик торопит. Все ждут,

Что громом на гроб упадут
Потоки слежавшейся глины.

На заре мне больше не снится,
Что вокруг лесов благодать,
Что летит зеленая птица
На неубранную кровать.

Что она уже прилетала,
Не одна ль из шумных подруг,
По пути приняв одеяло
За альпийский скошенный луг.

Что туман над тихими кленами,
Что лучей колосья в окне,
Что с судьбою наедине
Только я и птица зеленая,
Мной обманутая вдвойне!

И тех, что движутся сонно,
Серый сумрак влача,
Запутавшихся влюбленных,
Жертву и палача,

Бессовестно ядовитых
Хулителей и пролаз,
Детей с глазурью подбитых,
Всегда удивленных глаз,

Отвергнутых, боязливых
И тех, чью славу поют, —
Я жалею даже счастливых
В их пустом и тучном раю.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты укачивай небылицею,
Раздувай болотную тишь, —
Под расшатанной половицею
Хлопотала вдовая мышь.

За лесами, за перелесками,
Через улицу, у моста,
Кот ходил, усами поблескивал
И зажмурившись, рокотал.

Скрип шагов, дыханье метельное —
И звенит, звенит серебром
Недопетая колыбельная
В изголовье бедном твоем.

Звезды в ней орехами грецкими,
Старый мяч узнаешь в луне.
Будет мир — забытая детская —
Колдовать в седом полусне.

ПРОВИНЦИЯ

Тяжелые тучи обмякли,
Скатился по отмелям гром,
С коричневой тросточкой маклер
Бежит под крутящим дождем.

И капли, как быстрые стайки,
За ним, а вокруг ни души...
И только в смешной разлетайке
Помещик на пристань спешит.

Из памяти это изъято
И отдано сердцу на слом,
А были когда-то закаты
Над вздувшимся хмурым Днепром,

Дрожащие — в зарослях — плавни
И дрогнувшая вода
И охрой омытые ставни,
И в луже одна стародавняя
Потерянная звезда.

БАБА

Всё могилы, могилы, могилы,
В мертвецах помутнела река.
Что сказать о погибшем, о милом,
Что сказать: не дрожала рука...
Звездным знаменем смерть осенила
Твоего знаменосца полка.

Но тебя не свалить, ты могла бы
Переплавить моря и пески,
Ты чудовищней каменной бабы,
А глаза у тебя — васильки.

Ты проходишь, сменяются версты,
И пути не узнать самого.
Хлеб в котомке соленый и черствый,
С кем сегодня разделишь его?

Ты проходишь, и ветер смеется,
И жужжит над землей тишина.
Кто с тобою посмеет бороться,
Ты, как жгучая сталь холодна,
Ты прекрасна, как небо в колодцах,
Ты, как небо степное бедна!

Глаза, прикрытые устало,
Апостольская борода —
И ожидания не стало,
Оно исчезло навсегда.

В тот длинный день в холодной лени,
В бреду, в отчаянье, в тоске,
Как змеи, копошились тени
На затемненном потолке,

И за окном был город снежный
В беззвучно реющей пыли,
Однообразный, безнадежный...
А гроб, сколоченный небрежно,
Чужие люди унесли.

Беспредельная белизна.
По-больничному все безрадостней
Бледной тенью мелькает градусник,
И отсвечивает стена.

И луча, как в каменоломне,
Тонкой струйкой тянется нить...
Но куда? О, если б припомнить,
Разгадать, увидеть, забыть!

Но почти неслышными стонами
Вводит ночь в сознанье мое
Неутешное, монотонное,
Однозвучное бытие.

Дождем обрызганы плиты,
И желчный спит соловей
И что-то жалкое скрыто
В пролетах поздних аллей.

Вода стоячая стынет,
Ногой не достанешь дна,
Из темно-бурой пустыни
Опять выходит луна

Бесшумной поступью лисьей,
Виляя пышным хвостом,
И звезда с звездою сошлися
В последнем круге своем.

Страшен мир,

но спасенья ради

Я с собой в разлуку возьму
Черновик, две пустых тетради
И скитальческую суму.

За окном висящую клетку,
Там смешная птица жила,
И кровать с разорванной сеткой
И сердитый угол стола.

Аккуратно рядами сложены
Книги милые, так повелось,
От глухих переплетов кожаных
Заструилось живое тепло.

Ничего душа не упустит
И останется жить во мне
Эта память о легкой грусти,
Пропыленное захолустье,
Незаконченный сон во сне.

Есть ли среди ненужного,
Ставшего мне тюрьмой,
Город у моря южного,
Где умер любимый мой?

Утра его штормовые
(Тогда бы лодкам плясать!),
Его огни дуговые,
Гудящие паруса?

Не там ли сети ночуют
В водовороте морском
И обдает мостовую
Густым, колючим песком?

Горит ли заря багровая,
Чтоб светом жадным кропить
Сухое, солончаковое
Кладбище в голой степи?

Но снится мне, что без силы,
В большой тоске круговой,
Твоя поросла могила
Стеклярусною травой.

Вокруг одна бестелесная
Лживая пустота
И скука — скука воскресная...
И снится мне, что надтреснута
Каменная плита.

В крепкий октябрь костлявый,
В улиц вздыбленный гам,
В самый рассвет лукавый,
В небеса. по утрам,

Когда порвалась навеки
Задумчивая тишина,
Когда приоткрылись веки
Невыспавшегося окна,

В площади злые соты,
В синий пролет моста
Жарили пулеметы:
Тра-та-та-та, та-та!

Парижанкою назови меня,
Оттого что не дни, а века
Я в квартале знаю по имени
Почтальона и зеленщика.

Этот город, жесткий, как пламя,
Он весною сводит с ума,
Оттого ли, что лишаями
Запестрели его дома,

Что они давно обезножены,
Покосилась грузная твердь,
Что проклятьем не потревожу я
Ни урчанье, на бред похожее,
Ни дворов крысиную смерть.

По аллее, где в елках
Спит февральская мгла,
Ветер гонит осколки
Голубого стекла.

Утихает неспешно
Расставанья трезвон,
Жестяной, неутешный,
Рваный всплеск похорон.

Но когда это было
Вспомнить я не могу.
Ты, чужая могила,
Чью судьбу ты укрыла?

Кто там плакал без силы
На безмолвном снегу?

Не придет озаренье свыше
В полуяви или в бреду,
Не припомнить цветенья вишен
В неодетом зябком саду.

И в свистящем огне кофейни,
Где дымит столов полукруг,
Не привидится тиховейный,
Спелым солнцем вскормленный юг.

Так в гнетущую непогоду
Ничего уж не говорят
Все закаты и все восходы,
Океаны, реки, моря...

Когда в слезах
Оно испепелится,
Когда уйдет
На запад, навсегда —
Закрыть глаза,
Не думать, покориться,
Пусть будет лед и тусклая вода.

И жесткий мрак
И волны в диком шуме,
Их дерзкая, назойливая речь.
Потух маяк,
Его смотритель умер
И смертных свечек некому зажечь.

В такой ночи
Не задрожит на блюде
Накрапа
                золотая бахрома.
Не закричит
Такая ночь — о чуде...
И капать
                будет
                        облачная тьма.

Хлопья снега и вновь распутица,
Безобразный деревьев разбег...
А за нами свистит и крутится:
Дождь и снег. Снег и дождь. Дождь и снег.

В небе лунными ли прорехами,
Фонарями ль в грязном дыму
Нас встречала метель? Мы ехали,
Разбивая копытами тьму.

А за нами большими стаями
Искры шли на последний ночлег.
Рвались пули. Собаки лаяли.
И, скрипя, безутешно таяли:
Дождь и снег. Снег и дождь. Дождь и снег.

Опять она явилась и спугнула
Прощальный луч, подобие луча.
Где у костров смеялась Мариула,
Худые волки бродят по ночам.

А ночь спешит исхоженной дорогой,
Затаптывая бусинки зари.
Так все уйдет. Еще, еще немного...
О, дай о прошлом мне поговорить!

Но мрак течет, на сердце наползая,
Клубится куст, прозрачный, неживой.
И тень бежит, бежит, как черный заяц,
По облаку долины снеговой.

Который день, который год
На этом небе запоздало
Заря последняя встает,
Но жду, чтоб и она пропала.

Который день, который год...
Надежды, радость — все распалось.
И вот по-вдовьи входит жалость
И требует и сердце жжет.

Который день, который год...

Озабоченно пели птицы
И мое будили окно,
И лучей топорщились спицы...
Ничего уже не случится,
Знаю, знаю — не суждено.

И в лесу сыром не увижу я
Меж дубов, где листья дрожат,
Ни кукушки, ни зайца рыжего,
Ни рассерженного ежа.

Здесь расчесанный гладко-гладко
Обезличен земной покров
(В розах пчелы жужжат украдкой)
И как будто бы все в порядке
В этом худшем из всех миров.

Кто мне сказал, что радоваться надо
И веткам, что настойчиво стучат,
И грозовому солнцу винограда
И всем в пространство брошенным лучам,

Туману, что, слепя, к стеклу приник,
И влаге той, что в камни просочилась,
Небывшему, что здесь когда-то было,
Всему, что ветреная жизнь дарила,
Что отняла в раздумья легкий миг?

Фонари исчезли во мгле,
Их редеет легкая нить —
Больше некого на земле
Беспокойным счастьем дарить.

Опровергнуты все чудеса,
И раскрыт высокий обман,
Я вычеркиваю адреса
Уходящих в поздний туман

И плывут по звездным следам
Тех годов слепые шары...
Шар о шар — стучатся года.
Мир о мир — стучатся миры.

ЖАННА Д'АРК

Меж этих заколоченно-убогих,
Печалью оснащенных деревень
Ходила ты, и ласковая тень
Ложилась на сожженные дороги.

Ты в травах, безответная, жила,
Под сводами деревьев обитала,
Ты бабочкой покорно трепетала
На водоема бледных зеркалах.

И на земле и на покатых крышах
И в облака эдемовой резьбе
Тебя встречали птицы. Нежно в нишах
Святые улыбалися тебе.

Когда, невиданная здесь, нежданно
Заря пробила заросли пруда,
Был голос, выходящий из тумана:
— Да славятся в веках, пастушка Жанна,
Твои золоторунные стада!

Скользит одеяло жаркое,
Подушка смятая жжет,
И снова, старая, шаркает
И ту же песню поет:

Осенняя позолота,
Атласная тишина,
Как бились капли в тенетах
Заплаканного окна.

А спуск с подточенной глиною,
Следы в лиловом песке,
А вечера паутинные...

И тени сползают длинные
По ее холщевой щеке.

О твоем великом упорстве,
О могильной тяжести плит,
О ночлеге, о хлебе черством,
Что земля чужая родит,

О внезапном, гиблом смятенье
Средь окованных льдом песков,
Скрежетаньи и скрипенье,
О простом заунывном пенье
И о корочке облаков

Не скажу. Но молчанья горше
Слабый свет в открытых глазах,
Те ресницы в мелких слезах,
Тот багрянец щеки замерзшей.

БОЛЬНИЦА

К шуму прислушиваться земному,
Жалкой рукой нащупывать мрак —
В доме страданий все по-иному:
И говорят и стонут не так.

За поворотом осталось, что живо,
Желтый росток до срока зачах...
Близкие входят с улыбкой фальшивой,
С ужасом в сузившихся зрачках.

Смотрит монашка в сборчатом платье
В междупостельную полутьму.
Было и будет: все без изъятья.
Как умирают в общей палате
Ты не рассказывай никому!

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Темных глаз погасли огни,
Но с ресниц снежинку не сдуну я.
Колокольчик звенит, звенит,
Чтобы ночь оплакивать лунную.

Помнишь елки в долгом огне
И большую облака льдину,
Как ты вышла навстречу мне,
Свой ковровый платок накинув?

Как вздохнула вдруг в тишине
И лицо закрыла руками...
Обожгли полозья сильней
Обнажившийся льдистый камень.

Был и лязг и смех за углом
И тоска, тоска беспричинная,
По ухабам песня старинная,
Сердце лунным полное сном.

Неуловимая слеза,
Морщин разорванные сети,
Твоя рука в тугом браслете,
Твои голодные глаза.

Где света узкие ножи
Мерцают в омертвелой стали,
По гулкой и высокой зале
Ты тенью робкою кружишь.

И одиночество, как ржа
Съедая, гонит все быстрее.
Ты птицей в холоде аллеи
По щебню прыгаешь, дрожа.

ВОЙНА

По вокзала скользкой панели
Под глухой, бормочущий гул
Проходили негры в шинелях.
С желваками у самых скул.

И один из них, большеротый —
Черный пламень. лающий гром —
Мне кричал восторженно что-то
На простом наречье своем.

И под свист паровоза злостный,
Раздвоившийся в тишине,
Улыбались губы и десны —
На путях случайной весне.

Крутые небеса над головой,
К созвездьям недоступные дороги,
А на земле упрямо спорит с Богом
Старик в облезлой шапке меховой.

Другие плачут, ночь их глубока
И нет конца и некому жалеть их...
И так уже не шумные века,
А страшные Твои тысячелетья!

Но я последней боли не отдам,
Тех слез, что кровью заливают взоры —
Не для меня ль плясала Мириам
И в ярости вздымался клич Деборы?

ПОЕЗДА СМЕРТИ

Аушвиц, Бухенвальд, Дахау...

Тянулось небо вороньей
Траурною тесьмой.
Валялося на перроне
Скомканное письмо.

Одноэтажные зданья,
Бетон, крикливая жесть,
Непрошенное сиянье,
Как будто бы кто-то есть,

Кто выйдет огнем из тучи,
В гневе творя закон,
Кто может рукой могучей
Бег удержать времен...

Но погасли белые гроздья
Фонарей. Захлебнулся гудок.
И осталось (в немой угрозе):
«Уезжаю, меня увозят
На восток, на восток, на восток!»

Перевернутое, чужое,
В мире том, что необъясним:
След палатки. скрытый травою,
Котелок и пепел под ним.

Горько-горько чадят ограды,
Обреченность и тишина,
И рассыпавшаяся радость
Вся подобрана, сочтена.

Ни догадок. ни сожаленья,
Только скорби слепой огонь...
Но как милостыню — прощенье
Опускаю в твою ладонь.

Пусть бессонница мне перечит,
Выйду с нею — один на один...
Взгляд померкнет, согнутся плечи,
Грянут годы тоски и седин.

Пусть грозит невидимым пальцем,
Запинаясь, веду подсчет:
Детства легкое одеяльце,
Занавесок крутой полет,

Ветер, ветер, медно и звонко
Загудевший по городам...
И опять беру плоскодонку,
Чтобы плыть по лунным следам,

По волшебной путанной линии
(Сон, спокойствие, глубина)
В те пределы синие-синие,
Где небес коснулась волна.

Все те ж остались в разлуке,
Чей узел не развязать,
Нетерпеливые руки,
Буравящие глаза.

Но взглядам я не отвечу,
Не задержусь ни на миг:
Опять отменяет встречу
Беззвучным ставший язык.

И в бездну катятся годы
И порастают травой...
В докучную непогоду,
Как пуля, свистит свобода
Над стынущей головой!

Нет, не пасмурными, не осенними,
Где холодный сумрак и цвель —
Ты сиреневыми воскресеньями
Окружи безмолвье недель,

Чтобы ведьмы дрались ухватами,
И веселый пел колобок,
Чтоб сжевала коза рогатая
Золотого клена листок.

И когда б над его вершиною
Вдруг пронесся звон топора,
Ты ушла б на свадьбу мушиную,
Чтобы там плясать до утра.

Ты ушла бы нищими селами,
Чтоб до поздних звезд танцевать
На полянах, за частоколами,
Где небесная синь-трава.

В паутине розовый ельник,
Над кустом жужжанье осы.
Дед из крохотной богадельни
В тишине считает часы.

— Все на этом свете от Бога,
Им цветущий мир сотворен,
Только мне осталось немного, —
Деловито думает он.

Как уйти от жизни знакомой,
От воскресной кружки вина,
От ступенек старого дома...
И сидит, похожий на гнома
В деревянных крепких штанах.

Я повторять до конца не устану
Прежние скачущие слова:
Солнце запуталось в ветках каштана,
В позднем огне сгорела трава.

В порванном фартуке старый садовник
(Тачка по пыльной дороге бежит...),
Вдруг закивал одноглазый шиповник,
Гордые ирисы точат ножи.

Все предо мною: и света занозы
И верезжание ставен сухих,
В комнате дачной осенние слезы,
Радости наши и наши грехи...

Здравствуйте, здравствуйте, милые козы
И безголосые петухи!

Колосьев серебристых мотыльки
Пружинились на травянистом скате,
И падали на клетчатую скатерть
Растерянные, круглые жуки.

Как позабыть трескучий сенокос,
И луг, благоухающий и жесткий,
И вас, мои визгливые подростки,
И оттягченный, вздрагивавший воз,

И тени по горячему лицу
Бегущие, и чей-то смех беззлобный, —
В июньской тишине богоподобной
Творения поющие Творцу!

По лесу туман и тление,
Все папоротник глушит...
И те же стволы осенние,
Но нету у них души.

Когда-то было другое,
Вяжущее тепло,
Стояло небо дугою,
Облаками цвело.

Он кончился мир влюбленный,
Тонувший в солнечной мгле,
В закатном дыму топленый,
Он кончился мир зеленый...

Я смотрю, как скачет ворона
По щербатой, жесткой земле.

Мы ждали причала,
Но вечер нас выдал,
И волны хлестали сильней и сильней,
Когда погибала
В дыму Атлантида,
И тайные воды сомкнулись над ней.

И вот мы на дне,
И сумрак нас гложет
И в мутном огне
Чужая кровать.
Чужая кровать,
Песчаное ложе...

Но зеркальце к сжатым губам приложат
И не замутится нежная гладь.

Вечерами к морю уходили
И волна вскипала на песке,
И слова откуда-то приплыли
На старинном утлом челноке.

Только профиль, только очертанья,
Незаконченные, как во сне...
Бьют часы последнего свиданья.
Бьют и бьют часы... О, расставанье
При воздушной северной луне.

Унылое, ненужное похмелье,
И целый мир закончится во мне...
А я жила, когда еще гудели
Густые трубы в пыльной вышине

И плакали бесслезно над собою
И пели про далекие края.
Когда, ликуя, в песенку прибоя
Врывалась ветра звонкая струя.

Все запушило времени помолом,
Растаяла грошовая свеча,
Нет прошлого!.. Но этот свет веселый?
Но шелест волн? Но трепетное соло
Горящего на солнце трубача?

Перелесками и полосками,
Где заря смотрела светло,
Левитановскими березками
Ваше прошлое поросло.

Горделиво и зажигательно
(По-иному вы не могли...),
Но не надо предков сиятельных
И гостиных в штофной пыли,

И аллеи, полупоклонами
Провожавшей к лунной стене —
Александровский дом с колоннами
Облупился, окостенел.

И бурливая память бесится,
Хочет жалостью удушить, —
Нет, не надо вашего месяца
И потемок вашей души!

Что будет после
Меня на свете —
Ушедший рано
Рассвет босой,
Такой же ослик,
Такие дети,
В пыли шафранное
колесо,

Огонь белесый,
Лесные грозы,
Дождем гонимый
Безвестный шлях,
И эти росы,
И эти розы
Во всех любимых
моих садах,

И подорожный
Туман, зарницы,
Поля и версты,
В следах трава...
О, если можно,
Пусть это длится,
Когда закрою глаза— и птицей
Мелькнет разверстая
синева.

Иностранцы с кодаками,
Дамы с хриплыми щенками,
Продавцы ковров и свора
Необузданных детей —
Небо двинулось за вами
Золотыми парусами
И за сломанным забором
Вдруг погасло в пустоте.

Но мелькают неустанно
Свечи розовых каштанов
И кружатся и шалеют
В этом воздухе живом.
У безводного фонтана
Воробей от ветра пьяный.
Флаги медленные реют
На соборе вековом.

И над ветхими домами
Бредит ветер островами,
Ветер вывеску качает,
Шевелит, уводит в тень.
А внизу, под облаками,
Пуговичными глазами
Смотрят голуби, не зная,
Что течет апрельский день.

Раскидаю, разобью, растрачу,
Чтоб себя навек отъединить...
Если хочешь, я отдам в придачу
И судьбой отсчитанные дни,

И тоску, и ласковые бредни,
И тревогу — все, что ни проси:
Лучше быть извозчиком последним,
Чем шофером тряского такси.

Лучше быть смешным, иногородним
Пьяным забулдыгой без пути,
Чем в неумолимое сегодня
В макинтоше с зонтиком войти!

Весна или зазнавшееся лето —
И пышет зноем жесткая трава
В том скверике, где голова поэта,
Тяжелая, литая голова.

Но город оголтелыми звонками
Непрочную решетку разобьет,
И сядут мухи на холодный камень,
И провода замедлят свой полет.

Промчатся дети. Пес лениво ляжет.
К худой руке потянется рука...
И он ответит им сквозь дым и сажу
Беспомощной усмешкой чудака.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ. Первая книга стихов.
СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛ. Вторая книга стихов.
ПОЛДЕНЬ. Третья книга стихов.
БЕРЕГА. Четвертая книга стихов.
ВСТРЕЧА. Пятая книга стихов.

IMPRIMERIE BERESNIAK
18-20, rue du Faubourg-du-Temple
PARIS-XI°